

О ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ ТРУДНОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА РФ

Выявлены принципиальные трудности в плане решения задач, которые поставлены в Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. Показано, что они заключаются в неверном представлении о «стратегии» и «стратегировании» как мыслительных инструментах и «форматах осуществления коллективного действия», или деятельности, а также в том, что санкционное воздействие разрушило многие реализационные механизмы производства, логистики, обмена, поскольку они при переходе на рыночные отношения в 1991 г. изначально были инкорпорированы в институциональную ткань стран «коллективного Запада», а собственные институты так и не были построены за прошедшие 30 лет.

Ключевые слова: стратегия; стратегирование; ресурсы; развитие; институты; санкции; трудности.

L. V. Kanitskaya

THE FUNDAMENTAL DIFFICULTIES OF IMPLEMENTING THE FORESTRY DEVELOPMENT STRATEGY RUSSIAN FEDERATION

The fundamental difficulties in terms of solving the tasks set in the Strategy for the Development of the Forest Complex of the Russian Federation until 2030 are revealed. It is shown that they consist in a misconception about «strategy» and «strategizing» as thinking tools and «forms of collective action», or activities, as well as that the sanctions impact it destroyed many of the implementation mechanisms of production, logistics, exchange, since they switched to market relations in 1991. Initially, they were incorporated into the institutional fabric of the countries of the «collective West», and their own institutions have not been built over the past 30 years.

Keywords: strategy; strategizing; resources; development; institutions; sanctions; difficulties.

Критике Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 г. (далее – Стратегия) было посвящено достаточно большое количество работ видных отечественных ученых и практиков и на стадии ее обсуждения, и после ее принятия в 2018 г., и после утверждения ее распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2021 г. № 312-р [3; 5–7].

В добротной аналитической статье [5] показано, что уже в 2015 г. стало понятно, что Стратегия развития лесного комплекса от 2008 г. (Стратегия-2020) не реализована, а проще говоря – провалена, и встал вопрос о разработке нового документа. Главным его разработчиком стало Министерство промышленности и торговли. Контракт выиграла российская консалтинговая компания

Strategy Partners Group и стала основным исполнителем Стратегии, а соисполнителями – McKinsey, Ernst & Young и The Boston Consulting Group. В этой же статье [5] автор приводит результаты критического анализа разрабатываемой Стратегии. Он отмечает, что в новой Стратегии отсутствует анализ допущенных ошибок, которые не позволили достичь целей, заявляемых в Стратегии-2020. Указано также и на тот факт, что ситуация как на международных рынках лесной продукции, так и на внутреннем рынке меняется, а цели и задачи в стратегиях остаются прежними. Для разработки Стратегии не хватает актуальных достоверных данных о российском лесном комплексе, в том числе данных лесоустройства, которые устарели на 30–40 лет. Вызывает вопросы и организация процессов мониторинга и контроля за реализацией Стратегии. Автор совершенно справедливо, и даже прозорливо, как бы сменив позицию с описательной на деятельностную, отмечает: «...остается открытым вопрос, к кому обращены эти задачи, и кто должен заняться реализацией стратегических инициатив. Сейчас ситуация выглядит так, будто врач досконально изучает проблему пациента, ставит диагноз, но не лечит. ...хватит ли у ведомств ресурсов, чтобы вести эту работу, которая должна выполняться непрерывно, а не время от времени, и не превратится ли этот доклад в формальную бюрократическую отчетность? Стратегия в виде документа не решает ровным счетом ничего» [там же].

В.А. Соколов с соавторами [6] указывают на то, что в Стратегии наличествуют те же самые ошибки, которые кочуют из концепций в программы, а далее – в стратегии развития лесного комплекса страны: отсутствие строгого научного обоснования положений документа, привязка новых нормативных документов к деятельностным нормам планового народного хозяйства, наличие грубых ошибок в оценке ежегодной расчетной лесосеки, полное игнорирование вопросов источников инвестирования деятельности по развитию лесного комплекса.

Авторитетные ученые Е.А. Шварц, А.Ю. Ярошенко, Д.Г. Замолотчиков, Н.М. Шматков [7] пишут: «Складывается впечатление, что авторы новой редакции готовили документ, ориентируясь в основном на представление середины прошлого века об экстенсивном освоении лесов как «одноразового месторождения бревен» и без реальной оценки его эффективности, прежде всего в качестве инструмента освоения федерального бюджета в экологически значимых целях». Авторы статьи предлагают всем заинтересованным сторонам как можно быстрее начать корректировку целей и задач «Стратегии-2030», а также проработку планов ее реализации. Основными ошибками и недоработками авторов «Стратегии-2030» они считают следующие: не учтено, что большинство лесов РФ экономически недоступны и коммерчески малоценны, что делает бессмысленным использование расчетной лесосеки как основного показателя оценки лесопользования и управления лесами; не предложены и не обсуждаются экономические механизмы стимулирования перехода к интенсивной модели лесопользования; не предусмотрены механизмы, направленные на предотвращение и разрешение конфликтов, возникающих при освоении лесов в ситуации ужесточения экологического нормирования; не проработаны вопросы о необходимости разработки механизмов и нормирующих документов по лесовосстановлению, в частности

твердолиственных и смешанных хвойно-широколиственных и кедровых лесов; нет предложений по реализации различных моделей управления лесами в регионах с разными экономическими обстоятельствами; приведены ошибочные данные по оценке стока углерода, которые приводят к неверным решениям по планам увеличения объемов заготовок древесины.

И, наконец, в Бюллетене Ассоциации «ЛЕСТЕХ» [3] говорится: «Стратегия лишилась большей части приложений, прибавила 41 страницу основного текста, при этом почти полностью сохранив текст Стратегии 2018 г., который оказался разнесен по разным блокам. ... Очевидно, что разработчики Стратегии 2021 г. стремились сделать этот документ визуально новым, но то ли время, то ли желание было у них ограничено. Не обошлось без опечаток, терминологических ляпов и нестыковок в цифрах, хотя добавлены достаточно полезные статистические данные по лесному комплексу федеральных округов». И. Новоселов представил скрупулезный анализ всего текста Стратегии, предметно доказав справедливость приведенного высказывания. В заключение он высказался о неэффективности деятельности лесного комплекса РФ и предположил, что причина этого кроется в том, что у него «даже не 7, а 77 нянек».

Однако глубинные основания того, что сменяющие друг друга стратегии развития не позволяют реализовать заявленные цели, даже в том предположении, что текст Стратегии будет совершенен, лежат совсем в другой плоскости, можно сказать ортогональной к тому, о чем выше было написано.

К сожалению, наука не работает с понятиями, а оперирует только терминами и их определениями, а в данной ситуации необходимо работать на понятийном уровне, т.е. разобраться, какова структура смыслов, стоящих за понятием «стратегия», которые были выработаны людьми в процессе совместной деятельности, закрепились в культуре и транслируются уже тысячелетия.

П.Г. Щедровицкий в своей статье вводит понятие «стратегия» [8]. Во-первых, автор сразу обозначил подход, в котором он работает: системно-деятельностный. Он говорит, что понятие «стратегия» принадлежит к кругу представлений о «действии» и «деятельности». «Стратегию» он рассматривает как некую организованность мышления и деятельности. Организованность эта порождается процессом «стратегирования» – замысливания будущего действия. При достижении основной цели может быть осуществлено множество промежуточных действий и каждое действие должно иметь цель, но все действия (стратега) направлены на достижение главной цели, поэтому промежуточные цели можно считать средствами достижения главной. Автор производит краткий исторический экскурс, при введении понятия «стратег», в частности пишет, о том, что это слово появилось около 500 г до н.э. и означало особый статус граждан греческих городов-государств, которые проявили себя в сфере управления или в военных искусствах во время войны, достигая, посредством правильного осуществления многих промежуточных действий, главной цели – победы в военной кампании.

Рефлектирующий «стратег», который может выбрать прорывное направление, оценить и обеспечить наличие необходимых, а лучше избыток ресурсов для достижения промежуточных и конечной целей, может планировать после-

довательность действий, описать свои или чужие действия, которые закончились удачно (неудачно), который может далее перевести все в нормативные предписания, обладает широким спектром обманных и компенсирующих действий – это, безусловно, отлично. Но не надо забывать и о том, что деятельность носит коллективный характер. Автор статьи особо указывает на это обстоятельство при осмыслении понятий «стратегия» и «стратегирование» [8].

«Поскольку понятие «стратегия» появилось в военной сфере, то стратегу всегда противостоит противник, или соперник. Кто-то неминуемо должен проиграть, т.е. стратег всегда выступает с доминирующих позиций и, если в сферу действия его стратегии «затягивает» других участников, то они должны отказаться от своих целей (вынужденно или добровольно) для достижения конечной цели стратега. Они выступают для стратега средствами, лишенными интересов, воли и собственных целей. Но, если это не связано с выживанием, то длительная по времени консолидация и концентрация сил на достижении единой цели, – явление недолговечное», – пишет П.Г. Щедровицкий.

В статье отмечается, что для преодоления этого затруднения военные теоретики в первой половине XX в. ввели понятия «большой» и «малой» стратегии. При этом военные действия отнесли к уровню «малой» стратегии, а политические или социально-экономические задачи – к уровню «большой», т.е. объемлющей стратегии [там же].

Начальным этапом любого стратегирования и любой «стратегии» как управленческого документа стали рассматривать «масштабирование» тех или иных конечных целей в соответствующих контекстах, например, в рамках рыночной конкуренции или межгосударственных отношений, а промежуточные цели и необходимые ресурсы стали рассматривать с привязкой к месту и времени их достижения.

К середине 1970-х гг. эту двухуровневую схему «стратегии» стали использовать как инструмент в сфере корпоративного управления. Все уважающие себя компании начали разрабатывать продуктовые, рыночные, региональные, технологические и иные стратегии. Основным механизмом консолидации ресурсов на приоритетных направлениях развития «стало возросшее по отношению к средним показателям финансирование отдельных проектов. Стратегические цели и принципы оценки проектов, направленные на выявление среди них «стратегических», стали фиксироваться в специальных документах, многие из которых получили публичный характер – по крайней мере, на уровне самих компаний» [там же].

К концу XX в. исследователь К. Зук [4], проанализировав стратегии 400 крупнейших мировых компаний и результаты их деятельности, показал, что только 8 % компаний удалось реализовать «писанные» стратегии, а остальные компании реализуют не более 10 % от поставленных в стратегии задач [8]. Кроме того, оказалось, что консолидация денежных ресурсов не является достаточным условием обеспечения прорыва по приоритетным направлениям. И самое главное, западным управленцам стало понятно, что наличие или отсутствие писанных «стратегий» совершенно не влияет на успешность бизнеса.

Но в начале 90-х гг. прошлого столетия западные советники разного рода убедили российских чиновников, что стратегия – это вещь совершенно необходимая, и все должны разрабатывать стратегию. Теперь это узаконено.

Таким образом, если мы теперь вернемся к Стратегии 2030 г., уже имея понятие «стратегия», т.е. опираясь на структуру смыслов, то можно сделать следующие выводы:

1. Собственно, в соответствии с понятием стратегия может быть только у стратега, а как верно отметили авторы статей [3; 5], непонятно, кто персонально или какая команда будет на себе «тащить» и реализовывать эту «стратегию».

2. Лесной комплекс РФ как объект управления нестратегичен, т.е. несоизмерим стратегичности, поскольку, если даже внезапно объявится некий стратег, он не сможет выстроить в одну линейку всех участников, лишить их собственных целей, интересов и воли и подчинить только целям Стратегии на период до 2030 г., поскольку цели и интересы лесохозяйственников, экологов, лесозаготовителей, производителей лесной продукции и т.д. часто взаимно противоположны.

3. Понятие «стратегия» предполагает, что стратег должен сконцентрировать избыточные ресурсы на прорывном направлении. В Стратегии прорывного направления не обозначено, в ней все направления равноценны, следовательно, те, кто составлял этот документ, не имели понятия «стратегия». Однако, если посмотреть на список исполнителей, возникают и другие мысли: может быть решили, что для страны третьего мира и так сойдет.

4. Важно своевременно реализовывать стратегию.

Если с первыми двумя выводами о принципиальных трудностях реализации Стратегии все однозначно, то по поводу двух последних нужны дополнительные пояснения. Имеются ли ресурсы для реализации Стратегии? Может быть имеются, только рассредоточены по различным направлениям? Своевременна ли эта Стратегия? Для ответов на эти вопросы необходимо дать краткую характеристику реальности, в которой пребывает РФ в настоящее время.

После развала СССР в России были разрушены все институты: управления, производства, денег, распределения, образования, т.е. та социальная нормативная «ткань», на которой держалось плановое народное хозяйство страны и которая была укоренена в общественном сознании. Взамен исчезнувших институтов, западные страны предложили в пользование свои [2]. Вместо того, чтобы выстраивать собственные институты под приоритетные задачи страны, управленческие структуры стали прямо заимствовать институционализированные механизмы экономической, финансовой деятельности, использовать возможности логистических потоков западных стран и т.п.

С 24 февраля 2022 г. коллективный Запад ввел уже порядка 11 тыс. санкций, касающихся практически всех типов деятельности. Санкционное воздействие разрушило многие реализационные механизмы производства, логистики, обмена, страхования, инвестирования, кредитования.

Поэтому ответ на вопрос, есть ли ресурсы и можно ли их сконцентрировать, ответ будет отрицательным. Своевременна ли Стратегия? Как некий непродуманный документ она абсолютно бессмысленна и несвоевременна.

Но та ситуация, в которую мы попали, вынуждает понимать, как из нее выбраться, вынуждает перестать плодить бесчисленное множество неосмысленных текстов, объединить интеллектуальные усилия и направить их на реальное строительство новой деятельности. Для таких ситуаций, когда даже невозможно выбрать прорывное направление, с чем мы столкнулись в настоящее время, наиболее выигрышным инструментом могут стать технологии программирования [1, с. 202–228].

Список использованной литературы

1. Березкин Ю.М. Методология финансовой деятельности : курс лекций / Ю.М. Березкин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. – 232 с.
2. ФинТех как средство преодоления санкционного ущерба российским институтам рынка / Ю.М. Березкин, Л.В. Каницкая, Т.В. Файберг, И.Н. Щербакова. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).4. – EDN DICEGS // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 3.
3. Григорьев И. Комментарии к стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года / И. Григорьев // Бюллетень Ассоциации «ЛЕСТЕХ». – 2021. – № 5.
4. Иванова Е. Петр Щедровицкий: я не пишу стратегий, потому что это бессмысленно / Е. Иванова, Р. Галямков // БИЗНЕС Online. – 13 янв. 2017 г.
5. Новоселов И. Кому бросает вызов «Стратегия развития лесного комплекса России до 2030 года»? / И. Новоселов // ЛесПромИнформ. – 2017. – № 7 (129). URL: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4813> (дата обращения: 9.12.2022).
6. Соколов В.А. О стратегии развития лесного комплекса России / В.А. Соколов, Е.А. Горяева, О.П. Втюрина. – DOI: 10.33764/2618-981X-2019-3-1-223-230 // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2019. – Т. 3, № 1. – С. 223–233.
7. О новой Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года / Е.А. Шварц, А.Ю. Ярошенко, Д.Г. Замолотчиков, Н.М. Шматов. – DOI 10.12345/2308-541X_2021_65_1_2 // Устойчивое лесопользование. – 2021. – № 1 (65). – С. 2–6.
8. Щедровицкий П.Г. Стратегичность управления: миф или реальность? / П.Г. Щедровицкий // Конструирование будущего. – 2016. – № 16. – С. 40–45.

Информация об авторе

Каницкая Людмила Васильевна – доктор химических наук, профессор кафедры отраслевой экономики и управления природными ресурсами, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kanlv@mail.ru.

Author

Kanitskaya Lyudmila Vasilievna – D.Sc. in Chemistry, Professor of the Department of Sectoral Economy and Natural Resources Management, Baikal State University, 11 Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: kanlv@mail.ru.